

УДК 821.161.1-31:811.161.1:008“18”

Б. Шэнь

ПОВЕСТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО «ОТРОЧЕСТВО» КАК «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» СЕМЕЙНЫХ ОБРАЩЕНИЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА

Б. ШЭНЬ. ПОВІСТЬ Л. М. ТОЛСТОГО «ОТРОЦТВО» ЯК «ЕНЦИКЛОПЕДІЯ» РОДИННИХ ЗВЕРТАНЬ РОСІЙСЬКОЇ ЛІНГВОКУЛЬТУРИ XIX ВІКУ.

У статті аналізується система звертань (мовленнєво-етикетних формул), що вживаються в одному з художніх творів російської класичної літератури – повісті Л. М. Толстого «Отроцтво», яка входить до трилогії «Дитинство. Отроцтво. Юність». Продемонстровано, що використані автором звертання, що функціонують у галузі сімейного спілкування Іртенєвих, не тільки містять у собі необхідну для даної комунікативної ситуації інформацію, але й володіють виразним лінгвокультурним смислом.

Ключові слова: мовленнєвий етикет, мовленнєво-етикетна формула, звертання, сімейне спілкування, лінгвокультурна значущість.

Б. ШЭНЬ. ПОВЕСТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО «ОТРОЧЕСТВО» КАК «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» СЕМЕЙНЫХ ОБРАЩЕНИЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ XIX ВЕКА.

В статье анализируется система обращений (рече-этикетных формул), употребляемых в одном из художественных произведений русской классической литературы – повести Л. Н. Толстого «Отрочество», входящей в трилогию «Детство. Отрочество. Юность». Продемонстрировано, что используемые автором обращения, функционирующие в сфере семейного общения Иртеневых, не только содержат в себе необходимую для данной коммуникативной ситуации информацию, но и обладают выраженным лингвокультурным смыслом.

Ключевые слова: речевой этикет, речеэтикетная формула, обращение, семейное общение, лингвокультурная значимость.

B. SHEN. THE STORY L. N. TOLSTOY'S «THE BOYHOOD» AS «ENCYCLOPEDIA» OF FAMILY ADDRESSES OF THE RUSSIAN LINGUOCULTURE OF THE 19th CENTURY

The article analyzes the system of appeals (speech-etiquette formulas) used in one of the works of Russian classical literature – L. N. Tolstoy's story «The boyhood», which is included in the trilogy «Childhood. Boyhood. Youth». It is demonstrated that the author's addresses, functioning in the sphere of family communication Irtenievs', not only contain the information necessary for the given communicative situation, but also have a pronounced linguocultural meaning.

Key words: speech etiquette, speech-etiquette formula, addresse, family communication, linguocultural significance.

Повесть «Отрочество» Л. Н. Толстого была написана в 1852 – 1853 годах и стала вторым произведением в знаменитой трилогии писателя «Детство. Отрочество. Юность», которую иногда определяют как псевдо-автобиографическую.

В «Отрочестве» Толстой описывает события из жизни подростка, от лица которого и ведётся повествование, – *Николая* (Николеньки) *Иртеньева*: как он реагирует на окружающий мир, что чувствует по отношению к близким ему людям и т. д. По мере знакомства с текстом произведения читатель с главным героем, которому на момент начала описываемых в повести событий исполнилось четырнадцать лет, словно бы вместе проходит сложный путь становления и взросления личности.

Характер *Николая Иртеньева*, главного героя повести, раскрывается в первую очередь в многочисленных конструкциях, передающих его внутреннюю речь, – этому в значительной

© Б. Шэнь, 2018

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1244624>

степени способствует *повествование от первого лица*, позволяющее передать эмоциональное состояние персонажа, точнее отразить его отношение ко всему, что происходит с ним и вокруг него.

Однако не меньшую роль для характеристики героя играет его речевое поведение в ситуациях общения с *другими* персонажами произведения, большинство из которых являются членами его семьи: старшим братом **Володей** (Владимиром) и сестрой **Любочкой**, а также дочерью гувернантки **Мими Катенькой** (Катей), которую Николай воспринимает как сестру; бабушкой Николая по матери, у которой семья жила в Москве; отцом Николая, а также немцем **Карлом Ивановичем**, первым губернатором в семье Иртеньевых, и французом **Сен-Жеромом** (St.-Jérôme), вторым губернатором в этой же семье. Помимо этого Николай общается с горничной **Машей** и **Дмитрием Нехлюдовым** – приятелем Владимира, который затем становится и близким другом Николая.

Анализ воспроизведённых в романе коммуникативно-речевых ситуаций чрезвычайно важен для понимания и раскрытия личностных особенностей Николая Иртеньева – в них он также предстаёт многогранной и нередко противоречивой взрослеющей личностью, со сложным и неоднозначным внутренним миром. Это в значительной степени обусловлено тем, что художественное осмысление различных ситуаций общения создаёт широкие возможности для комплексной представленности литературного персонажа, характеризуя его при этом, во-первых, при помощи его собственных речевых (преимущественно вербальных) средств; во-вторых – через совершаемые в процессе речевого общения действия и поступки, а также испытываемые при этом психологические состояния.

В ситуациях общения безусловно важную роль играют разного рода **речезыкетные формулы**, прежде всего – **обращения** персонажей друг к другу. «Обращение к собеседнику – это самая употребительная языковая единица, связанная с этикетными знаками. В самом деле, обращаясь к человеку, мы как-то называем его, обозначая в избранном названии или его социальный статус, роль, или **наше отношение к нему, как ролевое, так и личностное**. Установление речевого контакта, регулирование социальных взаимоотношений с помощью обращений – всё это **его важные общественные функции**, поэтому употребление обращений становится предметом забот и обсуждений людей» (выделено мною. – Б. Ш.) [3, с. 136].

Таким образом, предпочтение тех или иных обращений в процессе общения выполняет важную роль показателя целого ряда качеств коммуникативно-речевого процесса, в первую очередь – *отношения* коммуникантов друг к другу, а также других составляющих ситуации общения (официального/неофициального характера, соотношения возраста и других социальных параметров коммуникантов и т. д.).

Николай Иртеньев рос и воспитывался в *дворянской* семье, общение в которой регламентировалось и определёнными сословными правилами, о которых на основе знакомства с текстом трилогии Л. Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» мы также можем составить достаточно полное представление. Так, в повести «Отрочество», как и в других частях трилогии, наблюдаем типичное для представителей дворянских семей XIX-го века обращение к слугам, о чём свидетельствуют приводимый далее текстовый фрагмент, где повествование, как и во всей повести, ведётся от лица Николая: *Всё моё внимание обращается на верстовые столбы и на цифры, выставленные на них; я делаю различные математические вычисления насчёт времени, в которое мы можем приехать на станцию. «Двенадцать верст составляют треть тридцати шести, а до Липец сорок одна, следовательно, мы проехали одну треть и сколько?»* и т. д.

– **Василий**, – говорю я, когда замечаю, что он начинает удить рыбу на козлах, – *пусти меня на козлы, голубчик*.

Василий соглашается. Мы переменяемся местами: он тотчас же начинает храпеть и разваливается так, что в бричке уже не остаётся больше ни для кого места; а передо мной открывается с высоты, которую я занимаю, самая приятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячок, Левая коренная и Аптекарь, все изученные мною до малейших подробностей и оттенков свойств каждой.

– *Отчего это нынче Дьячок на правой пристяжке, а не на левой, Филипп?* – несколько робко спрашиваю я (выделено мною. – Б. Ш.) [2, с. 109].

В приведённом фрагменте внимание исследователя привлекают, как минимум, две особенности использования Николаем Иртеньевым, четырнадцатилетним дворянским ребёнком, обращений. Во-первых, к слугам, – как правило, значительно старше хозяйских детей – и взрослые, и незрелые члены дворянских семей обращались на «ты», что свидетельствовало об акценте на сословном различии. Из приведённого примера это можно понять весьма отчётливо: к взрослым кучерам, Василию и Филиппу, молодой Иртеньев обращается именно так.

Во-вторых, при обращении к кучеру в речи Николая использовано покровительственное «голубчик» – типичная этикетная форма при разговоре представителей высших сословий, прежде всего – дворян, со своими слугами. А. Г. Балакай в «Словаре русского речевого этикета» среди значений обращения «голубчик» отмечает и следующие стилистические нюансы, закреплённые за данной этикетной формой в речевом употреблении: «|| Ласк. обращение к незнакомому или малознакомому, обычно младшему по возрасту, низшему по положению. *Голубчик, – нежным голосом сказала Анна Михайловна, обращаясь швейцару, – я знаю, что граф Кирилл Владимирович очень болен. Я затем приехала... я родственница... Я не буду беспокоить, голубчик. <...> Доложи, пожалуйста.* Л. Толстой. Война и мир. | С оттенком снисходительности, фамильярности ... *Подошёл мальчуган лет четырнадцати <...>. Снисходительно оглядел их, – видимо, барчук. – «Скажите, это чьё имя?.. – спросила Даринька. – «Наше, Великокнязьё! – бросил мальчуган и приостановился. – А вам кого надо?» – «Нам, голубчик, никого не надо, – сказал Виктор Алексеевич, – а ты вот что скажи...» – «Почему говорите мне "ты"?.. я не привык к "тыканью"!.. И вовсе я вам не "голубчик"!..» И. Шмелёв. Пути небесные» [2, с. 106–107].*

Конечно же, заслуживают внимания обращения, которые использовали в общении между собой члены семьи Иртеньевых – **Николай (Николенька)** и его брат **Владимир (Володя)** и их сестра – **Любовь** (чаще называемая **Любочкой**), а также ровесница Любочки – дочь гувернантки Мими – **Екатерина**, которую практически всегда называют **Катенькой**. Дети, как правило, обращаются друг к другу (кроме каких-либо отдельных случаев, связанных чаще всего с проявлением агрессии, – ссорами и под.), используя неофициальные варианты имён друг друга, причём с позитивными оценочными коннотациями: **Любочка, Катенька, Николенька, Володя**. Такие правила семейного общения, безусловно, способствовали созданию в семье атмосферы комфортного для детей семейного микроклимата, формированию их позитивного, по-настоящему родственного отношения друг к другу. Приводимые далее фрагменты повести, как представляется, убедительно подтверждают сказанное:

Так обаятелен этот чудный запах леса после весенней грозы, запах березы, фиалки, прелого листа, сморчков, черёмухи, что я не могу усидеть в бричке, соскакиваю с подножки, бегу к кустам и, несмотря на то, что меня осыпает дождевыми каплями, реву мокрые ветки распутившейся черёмухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь их чудным запахом. Не обращая даже внимания на то, что к сапогам моим липнут огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бегу к окну кареты.

– **Любочка! Катенька!** – кричу я, подавая туда несколько веток черёмухи, – посмотри, как хорошо! (выделено мною. – Б. Ш.) [2, с. 115];

Володя в это самое время поднял голову и с чуть заметной, добродушно-насмешливой улыбкой смело посмотрел на меня. Глаза наши встретились, и я понял, что он понимает меня и то, что я понимаю, что он понимает меня; но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться.

– **Николенька!** – сказал он мне самым простым, нисколько не патетическим голосом, – полно сердиться. Извини меня, ежели я тебя обидел.

И он подал мне руку (выделено мною. – Б. Ш.) [2, с. 122].

Примечательно, что и самóм повествовании, говоря не только о собственных сестре и брате, но и о других своих ровесниках, Николай обозначает их такими же неофициальными вариантами имён, чаще всего с суффиксами позитивной оценки – ср., например: *В день рождения Любочки, 13 декабря, ещё перед обедом приехали к нам княгиня Корнакова с дочерьми, Валахина с Сонечкой, Иленька Грап и два меньших брата Ивиных* (выделено мною. – Б. Ш.) [2, с. 127].

В тексте повести Л. Н. Толстого «Отрочество» находит отражение ещё одна чрезвычайно характерная для уклада жизни русской дворянской семьи XIX-го века особенность – активное использование в речи *французских слов и выражений*, вплоть до ведения по-французски разговора в принципе, поскольку знание этого языка считалось в то время необходимым компонентом дворянского образования и воспитания. В повести «Отрочество» отец Николая в общении со своей тётшей, бабушкой его детей, использует исключительно французское *tata* – приводимый далее текстовый фрагмент подтверждает это, как нам представляется, более чем убедительно:

Сама бабушка сидела несколько боком и раскладывала пасьянс – Путешественник, что всегда означало весьма неблагоприятное расположение духа.

– *Как себя чувствуете нынче, tata? хорошо ли почили? – сказал папа, почтительно целуя её руку.*

– *Прекрасно, мой милый; вы, кажется, знаете, что я всегда совершенно здорова, – отвечала бабушка таким тоном, как будто вопрос папа был самый неуместный и оскорбительный вопрос. ...*

– *Позвольте, tata, я сам натру вам табак, – сказал папа, приведённый, по-видимому, в большое затруднение этим неожиданным обращением.*

– *Нет уж, благодарю вас: она ведь оттого так и груба, что знает, никто, кроме неё, не умеет стереть табак, как я люблю. Вы знаете, мой милый, – продолжала бабушка после минутного молчания, – что ваши дети нынче чуть было дом не сожгли?*

Папа с почтительным любопытством смотрел на бабушку.

– *Да, они вот чем играют. Покажите им, – сказала она, обращаясь к Мими.*

Папа взял в руки дробь и не мог не улыбнуться.

– *Да это дробь, tata, – сказал он, – это совсем не опасно.*

– *Очень вам благодарна, мой милый, что вы меня учите, только уж я стара слишком... (выделено мною. – Б. Ш.) [2, с. 126].*

«Словарь русского речевого этикета» А. Г. Балакая в обширной словарной статье, посвящённой обращению «мама», среди вариантов последнего приводит и обращение *маман (tata)*, сопровождая его знаком «песочные часы», применяющегося «для указания устаревших или устаревающих слов и выражений, а также их и семантических вариантов и грамматических форм» [1, с. 19], и следующим описанием: «**Мамá. Мамán.** [Франц. tata – мама, маменька, мамаша.] ... **До революции обращение к матери (реже – к свекрови или тётше) на французский манер в дворянской полиязычной среде.** [Ваня и Катя (вбегают):] *Мама, идите скорей.* [Мария Ивановна:] *Иду, иду.* Л. Толстой. И свет во тьме светит. – **Maman, tata,** – вскричала, вбегая в комнату девочка лет одиннадцати, – к нам Владимир Николаевич верхом едет! И. Тургенев. Дворянское гнездо» (выделено мною. – Б. Ш.) [1, с. 252].

Примечательно, что в повести Л. Толстого довольно часто используются неофициальные варианты имён – как детей, так и взрослых, – созданные *по моделям, действующим во французском языке*, что также свидетельствует об определённого рода их «преклонении» перед западной, прежде всего французской, культурой. Так, имя второго гувернёра, француза, последовательно даётся в тексте повести как *варваризм* (слово, не полностью освоенное либо вовсе не освоенное заимствующим языком), т. е. в том варианте, в котором оно существует в языке-источнике, из которого заимствовано, – французском: **St.-Jérôme**. Примечательно, что определённая «обруселость» французского имени при этом всё же наблюдается: при использовании его в косвенных падежах к французскому имени, употреблённому в своём первоначальном графическом виде, добавляется русское окончание – например: **St.-Jérôme'a**.

Компаньонку покойной матери детей Иртеньевых, которая проживает в их семье вместе с дочерью Катенькой и одновременно выполняет обязанности гувернантки в семье, явно русскую по происхождению, также зовут «на французский манер» – *Мими*; именно так обращаются к ней все вступающие с нею в общение – как взрослые, так и дети семьи Иртеньевых; как знакомые, так и незнакомые люди.

Нами так же отмечено и обращение «на французский манер» отца Николая к нему, что подтверждает высказанное ранее положение о месте французской культуры в дворянской семейной коммуникации XIX-го века:

– *Чем человека посылать, поди-ка лучше ты, Ко-ко, – сказал он [отец Иртеньев. – Б. Ш.] мне. – Ключи лежат на большом столе в раковине, знаешь?.. Так возьми их и самым большим ключом отпри второй ящик направо. Там найдёшь коробочку, конфеты в бумаге и принесёшь все сюда [2, с. 130].*

Неофициальный вариант имени **Ко-ко** образован от русского личного имени собственного *Николай* под очевидным влиянием французского языка, где данный вариант употребляется для именованя как мужчин (от французского *Nicolas*), так и женщин (от французского *Nicole*). Употребление его при обращении к сыну в семейной коммуникации также подтверждает ориентированность его отца на французские образцы общения, во всяком случае – в области употребления номинаций-обращений.

Таким образом, небольшая по объёму повесть «Отрочество» Л. Н. Толстого, позволяет при внимательном её прочтении составить достаточно полное представление о правилах речевого этикета, существовавших в дворянских семьях XIX-го века, которые сформировались под довольно существенным влиянием культурных традиций и царящих в то время социальных норм. Это ещё раз подтверждает значение произведений русской классической литературы для проведения лингвокультурологических исследований – обращение к этим источникам позволяет привлечь для анализа материал, который трудно переоценить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
2. Толстой Л. Н. Отрочество // Толстой Л. Н. Детство, Отрочество. Юность. Харьков: Фолио, 2013. С. 101–130.
3. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М.: Издательство ИКАР, 2005. 2-е изд. 250 с.

(Статья поступила в редакцию 16 апреля 2018 г.)